

Старый слепой горняк дед Василий любит порассказать о недавней старине меднорудного города Красноуральска.

— Сперва-то в здешних лесах на одном богомоловском прииске золото добывали... Хвастун этот Богомолов был. Как пуд золота ему намоют, так он и велит из пушки стрелять. Этой пушкой, видно, и подманил. Много их закружилось. Всяких языков набежало. Англичане там, еще какие-то... Ну, и русские купцы тоже. Вскорости и заложили шахту Компанейскую... Это которая теперь обвалилась-то.

— Богомолов к той поре прострелялся. Прижимка у него с расчетом пошла, мошенство всякое. Крепи вовсе на шармака ставят. Двоих придавило до смерти. Вот я и придумал у новых хозяев поработать, на Компанейскую перешел.

— На этой шахте случилось мне узнать забойщика одного. Игнатом звали. Это забойщик! По самым крепким породам его ставили. Выше всех платили, и было за что! Балда-то у нас, известно, пуд весом, а он ей как каёлкой играл. И размах по старинному правилу, на две петли. Вот так...

Старик, увлекшийся своим рассказом, широко размахивает костылем, описывая фигуру восьмерки.

— При таком-то размахе ломок-забурок держать и держать надо! Он ведь коротенький. Сорвись рука — покалечит. Немало таких случаев было. Только Игнат большую сноровку имел, всегда в точку бил. Да ведь как бил! Начнет сыпать, так у забурка будто звезда загорит. Многие ходили поглядеть на эту игнатову звезду. Потом, конечно, надорвался. В молодых годах помер, а другого такого видеть не довелось. У меня, видишь, несчастный случай пришелся. Просчитался отпальщик, я и угадал каёлкой в патрон. Поглядел тогда свету, да с той поры его и нету.

Молодежь, слушая старика, с трудом представляет себе жалкую технику дореволюционной шахты и в свою очередь пытается рассказать о современной.

— Ныне, дед, машинами бурим. Ручной перфоратор идет, а то еще телескоп есть. Вот машина! За сотню Игнатов действует. Начнешь ею бурить, так не звезда, а целый сноп огней из породы брызжет.

Для убедительности подсчитывают в килограммах и оборотах мощность перфоратора-телескопа, но старик этого не понимает и равнодушно поддакивает:

— Слыхал я... Известно, машина... Сколь в ней силы положено — не прибавишь, не убавишь.

— Неверно, дед, говоришь! — вмешался молодой худощавый человек. — Машина, как лошадь, руки знает. Одного повезет, у другого заартачится, а то и вовсе сбросить может. Зато кто научился править, тот может сразу запрягать несколько штук. Повезут!

— Многостаночниками такие люди зовутся, — прибавил тот же голос уже издали.

— Кто это? — заинтересовался дед Василий.

— Янкин Ларион, дедушка.

— Недавно, видно, в наших краях?

— Нет, давненько. Годов шесть у нас работает.

— Как я его голоса будто не слыхал, — удивился старик.

— А он, видишь, из таких... Мало говорит, больше делает. Наша бригада бурильщиков считается из лучших, а он у нас бригадир.

— Вон что! Большой, поди, силы человек? — спрашивает дед.

— Нет, силы средней, да это по нынешним временам немного значит. Всякой силы бригадир может быть, лишь бы дело хорошо знал и машину тоже. Наш Янкин по делу мастер. Торопиться не торопится и простоев у него нет. Недаром наша бригада всегда около 150 процентов дает. Случилось, и до 170 доходили... Чувствуешь, дед?

Дед не умел считать на проценты и сделал вывод по-своему.

— Выходит, вроде нашего Игната он у вас? Со звездой парень?

— Вот-вот, со звездой и есть. Только этот ни себя, ни других зря изводить не станет. Не на плечо надеется, — на расчет. Теперь вон разговорчивее стал. Все судит, нельзя ли так работу перестроить, чтобы вдвое больше руды давать. Семиволос ему покою не дает.

С конца июля в бригаде, действительно, стало заметно, что Илларион Павлович изменился. Сообщение газет, что Алексей Семиволос в Криворожьи один обурил 18 забоев и дал 1200 процентов нормы, сильно взволновало его. И волнение оказалось стойким. Когда большинство, поговорив и поспорив о выдающемся успехе Семиволоса, сошлось на том, что в условиях Красноуральска просто невозможно обуричь такое число забоев, Янкин продолжал живо интересоваться всем, что писали о Семиволосе. Порой останавливал начальника участка.

— Лев Ильич, вы все-таки как думаете? В чем тут сила?

— У Семиволоса-то?

— Ну, конечно, у него... Загрузка всего рабочего дня только буреньем — это понятно. А вот как побывать с машинами в 18 забоях, когда на одно перетаскивание смены нехватит? Заранее, что ли, их устанавливают?

Начальник участка, знавший шахты Кривого Рога, рассказывал о другой системе разработок, об иной крепости пород, но это практически было неясно тому, кто знал одну меднорудную базу Красноуральска.

Повышенный интерес Иллариона Павловича к работе криворожского знатного бурильщика знали не только в бригаде, но и в шахтоуправлении. Поэтому, когда был получен вызов поехать с бригадой Наркомата цветной металлургии для изучения метода Семиволоса, раздумывать о кандидате не стали. Хоть в Красноуральске немало знатных бурильщиков,

имевших исключительные показатели, все же предложили командировку молодому бригадиру Янкину.

— Поедешь к Семиволосу учиться? — спросил его главный инженер шахтоуправления Аксенов.

— Еще бы! — обрадовано ответил Янкин... — Только когда ехать?

— Чем скорее, тем лучше. Сегодня, завтра...

— М-м, — задумался на миг Илларион Павлович, потом решительно кивнул головой: — Хорошо. Вечером выеду...

Причиной мимолетного раздумья было отцовское письмо. Старик из колхоза Куйбышевской области писал:

— Приезжай, сынок! Погляди, как мы живем в колхозе. Всего вдоволь: хлеба, овощей, мяса...

Сынку и самому хотелось повидаться со стариками, провести месяц в родных местах. Был уже взят очередной отпуск, но победило желание поучиться у знатного бурильщика Семиволоса.

Рассказывая, как хорошо, просто и сердечно принял Семиволос своего нового ученика из Красноуральска, Илларион Павлович не забыл отметить и такую подробность:

«В беседе выяснилось, что оба мы рождения 1910 года. Это как будто еще больше нас сблизило».

Но не это одно, конечно, обеспечило дружную работу двух знатных бурильщиков. Важней было сходство другого порядка.

Описывая первый день работы с Семиволосом, Янкин, естественно, обратил внимание на то, что самому казалось особенно важным и ценным.

— Мне очень понравилось, — говорит он, — как Алексей уверенно и без суеты начал работу. Ни одной минуты он не тратит зря. Все у него предусмотрено, все рассчитано.

Чтобы практически изучить дело, Илларион Павлович включился в бригаду Семиволоса и работал под его руководством почти полмесяца. За это время он на опыте увидел, как повышаются результаты работы бурильщика, когда он полные 480 минут занят только бурением. С первого же бура, который у красноуральского бурильщика «заело», стало понятно и другое: почему успех Семиволоса казался невозможным и даже невероятным там, в Красноуральске.

— У них порода другой крепости, — убедился т. Янкин. — Здесь прекрасно подходит ручной перфоратор. На него даже нельзя налегать, как у нас, а требуется только хорошо направлять. Всю смену работают одним буром, когда у нас на каждом шпуре приходится менять буры. И система разработок у них другая. При ней удобно каждому бурильщику

подготовить много забоев. А как у нас? При нашей системе разработок? С нашей тяжелой машиной и постоянной сменой буров?

С этими мыслями — как лучше перенести метод Семиволоса в Красноуральск — возвращался домой. План наметился, но надо было еще о многом договориться с начальником участка и главным инженером.

Как человек строгого расчета, умеющий читать не только минутами, но и секундами, Илларион Янкин не спешил с применением изученного опыта, пока не решены были все детали. Возвратившись домой, он продолжал работать по-старому: сам подготовил рабочее место, сам носил на заточку буры и т. д. Но вот обо всем договорились, и 13 ноября, накануне пятилетия со дня открытия первого всесоюзного совещания стахановцев, решил впервые применить в своей Красногвардейской шахте опыт, изученный в Криворожьи.

— Все было подготовлено, подробно инструктированы подсобные рабочие, а все-таки накануне плохо спалось, — рассказывает т. Янкин. — Когда утром пошел на работу, удивил жену, сказав ей:

— Ну, пожелай мне всего хорошего!

Непривычная к такому прощанию, она даже встревожилась:

— Что с тобой?

— Но, — говорит Янкин, — я не стал ей рассказывать и поспешно вышел из дома.

Работой Янкина в тот день интересовалась вся шахта. Из горизонта в горизонт передавалось:

— Уж обурил один забой. Перешел во второй. Машины из первого переносят в третий.

Многие знатные бурильщики поднимались с 244 горизонта на подъезд 234, где велась работа, и там задерживались дольше, чем было надо. Эти привычные люди положительно любовались человеком, который под скрежет металла о породу, под канонаду выхлопов уверенно и спокойно двигался меж снопами ярких быстро гаснущих огней, регулируя работу двух перфораторов-телескопов. Окончив работу в забое, делает короткое замечание бурнооске:

— Подавай комплектами! Больше десяти минут потерял, пока рылся в груди буров.

Четкий человек, он не забыл в минутах заметить бесполезно потраченное время и сделал вывод, как это устранить.

Успех работы получился неслыханный в условиях Красноуральска. Иллариона Павловича торжественно встретили в раскомандировочной. В цифровом выражении оказалось, что в этот день он, работая на подготовленных местах, обурил 4 забоя и дал 850 процентов нормы.

Но это был не только небывалый рекорд в меднорудной промышленности, это казалось целым открытием. Люди, глядя на работу по-новому, удивлялись, почему они сами раньше не догадались так сделать.

— Ведь это же так просто! Стоило только ввести подсобных рабочих и дать возможность бурильщику полную смену заниматься своим делом. Управиться с двумя машинами тоже многие смогут. Только вот надо ли перетаскивать машины из забоя в забой, не лучше ли расширить фронт работы так, чтобы бурильщик сразу мог применить несколько машин, а отпалку производить очередями?

Кажущаяся простота и достигнутый результат, конечно, говорили, что тов. Янкину удалось найти правильное решение, как лучше перенести метод Алексея Семиволоса из угольной промышленности в меднорудную. Как настоящий хороший ученик Семиволоса, тов. Янкин перенес метод своего учителя с учетом местных условий. Тов. Янкин не забыл о старой Игнатовой звезде, об особой крепости пород, требующих и частой смены буров, и более громоздкой машины, чем ручной перфоратор.

Понятно, что такое хорошо продуманное начинание легко и быстро было подхвачено другими бурильщиками. Уже на следующий день бурильщик бригады Янкина т. Голубятников заявил главному инженеру:

— Дайте мне бурноса и слесаря, и я поставлю 1100 за смену.

Правда, ему не удалось из-за неподготовленности одного забоя выполнить свое обещание полностью, но все же т. Голубятников 15 ноября перекрыл своего учителя и дал 936 процентов нормы. Но в следующую смену Янкин обурил 5 забоев и дал 1150 процентов.

Широко освещенные в районной и областной печати успехи бурильщиков Красногвардейской шахты вызвали живой отклик на других шахтах Красноуральска и соревнующихся с ним Кировграда и Дегтярки. В газетах ежедневно замелькали сведения: бурильщик Ново-Левинского шахтоуправления т. Наймушин дал 1218 процентов нормы, бурильщик Левихи-Центральной т. Корюков дал 1230, бурильщик Белореченской шахты т. Петровичев — 1815 процентов нормы.

После совещания, проведенного в День Сталинской Конституции при Свердловском Обкоме ВКП(б), счет норм у знатных бурильщиков еще больше увеличился. Тов. Валеев на Дегтярке, Баукин и Лычагин в Красноуральске вышли за пределы двух десятков норм за смену, работая на 5 перфораторах. Сам Янкин накануне открытия в Красноуральске всесоюзного совещания стахановцев и командиров горнорудных предприятий цветной металлургии поставил опыт работы на шести перфораторах.

Не обошлось, как водится, и без «скептиков». Кроме закулисных разговорчиков: «тут другие больше делают», «так дороже выйдет», были вначале и случаи откровенного недоверия к работе по-новому. Когда тов. Янкин приехал в Сан-Дonato на рудник имени III Интернационала, чтобы поделиться своим опытом, там его предупредили:

— Триста процентов у нас предел! Долгой практикой доказано. Выше этого не прыгнешь!

Даже потом, когда т. Янкин, работая на 4-х перфораторах, показал необычно высокую производительность, инженер участка при отводе нового забоя советовал:

— Это ты, Янкин, зря так много запрашиваешь. Насмешишь народ!

Но смешным оказался сам советчик. Тов. Янкин не только легко «перепрыгнул» «проверенные пределы», но и подсчитал время, отнятое у него плохой подготовкой рабочего места. Вышло, что в тот день он был занят бурением лишь 6 часов 20 минут, а час сорок минут ушло на бесполезные переходы и остановки, и все же норма была выполнена на 780 процентов.

Надо сказать, что подобные случаи недоверия к новому были все-таки явлением редким. На совещании в Красноуральске можно было убедиться в другом: как легко и быстро стал распространяться новый метод работы не только на медных рудниках, но и в других отраслях горнорудной промышленности.

Теперь во многих забоях уральских рудников полную смену брызжут снопы ярких огней и не из одной точки, а из двух, трех, четырех, даже пяти, шести.

Возможность одному обслуживать несколько машин т. Янкин объясняет просто:

«Когда все машины одинаково работают и ты их знаешь, можно хорошо рассчитать время».

Это, конечно, понятно, но все же, когда со стороны смотришь на картину работы, невольно вносишь необходимую поправку о личных качествах руководителя машин. Не сбиться в этом лязге и грохоте, во-время сменить бур, подвинтить, остановить машину может только тот, кто подлинно научился ценить фактор времени.

Таков и есть Янкин.

Скромный худощавый человек, со спокойными, уверенными движениями, он не бросится со спортсменским азартом на работу, не проверив сперва прочности кровли, не убедившись в правильности установки полков и всего рабочего места. Приступив к работе, не увлечется количеством за счет качества. Шауры у него окажутся в тех самых точках и того самого направления, которые дают наивысший выход руды при отпалке.

Этими личными качествами и объясняется, что производительность у Янкина идет со спокойным нарастанием. Если в ноябре у него в среднем получилось свыше четырех норм на смену, то в декабре это среднее число перевалило за семь норм.

Управляющий шахтой Красногвардейская, где впервые был применен метод многозабойного и многоперфораторного бурения, уже в первых числах декабря мог предугадать:

— Еще день — два такой выдачи руды, и можно быть уверенным, что годовой план будет выполнен даже с превышением.

С особенным удовольствием, просматривая дневные сводки, управляющий проводит по двум расходящимся линиям. Одна — по добыче руды идет вверх, другая — по снижению

себестоимости — книзу. Идут без скачков, ровно, спокойно. Своим очертанием они приводят на память камеру, где накануне открытия всесоюзного совещания в Красноуральске работал на шести перфораторах Янкин.

Из шести точек тогда брызгали яркие снопы огней, растопляя на глазах прибывших на совещание делегатов старые нормы меднорудной промышленности и освещая целый ряд новых больших проблем. В первую очередь техническая мысль уже тогда искала выхода, как погасить шум и уловить пыль, среди которых родилось многоперфораторное бурение. Но это лишь начало. Дальше встают вопросы ускорения крепежных работ, механизации уборки и т. д., вплоть до пересмотра плана горноискательных работ.

А скромный ученик Семиволоса, кончив работу, повторяет свою фразу:

— Когда все машины одинаково работают и ты их знаешь, можно хорошо рассчитать время.

И в качестве практического совета добавляет:

— Надо только не волноваться и поспешать за машинами.

Сам он рассчитывать и «поспешать» научился: квартальный план по добыче руды за 1941 год закончил в январе, а во второй половине февраля уже было сообщено об окончании им семимесячного плана.